

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ

XLI

1930

ПАРИЖЬ

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

О Чеховѣ.

(Изъ воспоминаній).

Какъ-то я засталъ Чехова за чтеніемъ критической о немъ статьи, и онъ встрѣтилъ меня словами:

— Вотъ, батенька, мы съ вами и не знали, а я, оказывается уже въ третьемъ періодѣ.

И затѣмъ, сбросивъ привычнымъ жестомъ пенснэ и лукаво блеснувъ глазами, онъ комически развелъ руками и прибавилъ:

— Да, то совсѣмъ не было періодовъ, а теперь вотъ три.

Не знаю, на сколько періодовъ можно дѣлить литературное творчество Чехова, но мое знакомство съ нимъ совпадаетъ несомнѣнно съ началомъ новаго въ его личной жизни ятвинскаго періода, которому суждено было оказаться послѣднимъ.

Въ концѣ сентября 1898 г. я, спасаясь отъ гнилой сѣверной осени, прѣхалъ въ Ялту, которой раньше не зналъ. У меня было письмо къ мѣстному санитарному врачу д-ру П. П. Розанову, а у него я познакомился съ его двоюроднымъ братомъ С. Я. Елпатьевскимъ. Послѣдній тоже незадолго передъ этимъ переселился окончательно въ Ялту, строилъ себѣ, какъ говорилъ Чеховъ, «съ аппетитомъ» дачу, былъ влюбленъ въ Южный берегъ Крыма, очень краснорѣчиво доказывалъ необ-

ходимость и мнѣ покинуть сѣверъ и сообщилъ, что вотъ и Чеховъ прѣхалъ и тоже рѣшилъ переочевать сюда. Какъ-то проходя со мною черезъ городской садъ, онъ замѣтилъ на одной изъ скамеекъ Чехова, подошелъ къ нему и познакомилъ насъ. На слѣдующій день подѣхалъ нашъ общій пріятель, извѣстный московскій земскій врачъ, И. И. Орловъ, и какъ-то такъ вышло, что мы втроемъ стали проводить значительную часть дня вмѣстѣ. Чеховъ занималъ двѣ небольшихъ комнатки на дачѣ Бушева по Николаевской улицѣ. Осень въ тотъ годъ выдалась исключительная даже для Крыма; Чеховъ былъ въ прекрасномъ настроеніи. Онъ тогда еще имѣлъ довольно бодрый видъ и выглядѣлъ, пожалуй не старше своихъ 38 лѣтъ, былъ худъ и, несмотря на то, что ходилъ нѣсколько сторбившись, въ общемъ представлялъ стройную фигуру. Только намѣчающіяся уже складки у глазъ и угловъ рта, порой утомленные глаза, а, главное, на нашъ врачебный глазъ, замѣтная одышка, особенно при подъемахъ, обусловленная этой одышкой степенная медленная походка и прдательскій кашель, говорили о наличности недуга. Тщательно избѣгалъ говорить о послѣднемъ

только самъ больной. Было два иѣрныхъ способа сдѣлать неприятность Чехову и заставить его съежиться: это — коснуться по-подробнѣе его здоровья или его текущихъ литературныхъ работъ. Докторъ Орловъ, очень любившій А. П.—ча и очень безпокоившійся за него, какъ-то, когда мы сидѣли втроемъ и весело болтали, шутливо предложилъ: давайте-ка всѣ другъ друга послушаемъ «для провѣрки». Чеховъ мягко отвелъ это предложеніе, сказавъ, «лучше пройдемся».

Пріѣхавъ онъ въ Ялту какъ будто безъ опредѣленныхъ плановъ, но здѣсь скоро принявъ рѣшеніе перебраться на югъ окончательно, и такъ какъ «по гостиницамъ жить надоѣло», то сталъ подыскивать участокъ. По этому поводу у него происходили постоянныя совѣщанія съ И. А. Синани, владѣльцемъ книжнаго магазина на набережной, хорошо знакомымъ всякому бывавшему въ Ялтѣ, такъ какъ его магазинъ съ лавочкой у входа служилъ излюбленнымъ мѣстомъ свиданій и встрѣчъ друзей и знакомыхъ, особенно писателей. Къ Чехову Синани, вообще человѣкъ очень доброжелательный, питалъ необыкновенно нѣжныя чувства, и любовно заботился о всѣхъ его интересахъ, а такъ какъ Ялту, Южный Берегъ, ялтинцевъ и все про ялтинцевъ и всѣ текущія мѣстныя новости и событія онъ зналъ, какъ никто, то лучшаго совѣтника по отысканію участка или дачи трудно было найти. Однажды А. П. таинственно повезъ насъ съ докторомъ Орловымъ въ Верхнюю Аутку, которая тогда еще не была присоединена къ городу Ялтѣ, а считалась деревней, остановился въ концѣ ея, загадочно предложилъ намъ

перелѣзть черезъ низкій заборъ, и когда мы очутились на довольно неприглядномъ участкѣ, подъ самымъ пыльнымъ шоссе, съ запущеннымъ виноградникомъ, съ 2 - 3 тощими деревьями и старымъ татарскимъ кладбищемъ съ многочисленными характерными надгробными мусульманскими памятниками по передней его границѣ, онъ торжественно заявилъ, что этотъ самый участокъ онъ собирается купить, при чемъ при оцѣнкѣ его рекомендовалъ обратиться особенное вниманіе на два его достоинства: во-первыхъ, на имѣющійся «библейскій» колодець, и, во-вторыхъ, на чудесный далекій видъ на долину рѣчки Учанъ-Су и кусочекъ моря. Такъ какъ владѣлецъ продавалъ участокъ изъ уваженія къ Чехову необыкновенно дешево, за 4 тысячи, да еще такъ, что три тысячи можно было платить когда угодно и безъ процентовъ, то тутъ-же на общемъ совѣщаніи рѣшено было, что покупать стоитъ. Впрочемъ, шоссе впоследствии при ремонтѣ было значительно поднято и нѣсколько отведено въ сторону, а къ дому Чехова устроены небольшой, въ видѣ переулка спускъ. Денегъ свободныхъ у него въ это время еще не было, и онъ комбиниравалъ всякія кредитныя операціи.

Въ серединѣ октября умеръ отецъ А. П.—ча и извѣстіе объ этомъ еще больше укрѣпило его въ рѣшеніи поскорѣе построиться и перевезти мать, которой, какъ онъ полагалъ, будетъ теперь очень тоскливо оставаться въ Мелиховѣ. Последнее предполагалось продать. Въ значительной мѣрѣ подъ влияніемъ Чехова прія также въ концѣ концовъ къ заключенію о необходимости покинуть

окончательно съѣвъ, я снялъ въ Ялтѣ квартиру, пустую, только съ нѣсколькими самыми необходимыми предметами обстановки, и такъ какъ раньше года семья моя не могла переѣхать, то Чеховъ переехалъ ко мнѣ. Онъ въ это время очень много работалъ, преимущественно по утрамъ. Мы много гуляли, тщательно избѣгая набережной, гдѣ его одолѣвали курортныя дамы, «антоновки», преслѣдуя его по пятамъ; стоило ему зайти къ Синани, какъ немедленно лавка заполнялась покупательницами, которымъ неотложно требовались газеты, книги, папиросы и т. п. Чеховъ съ мрачнымъ видомъ круто поворачивался и устремлялся черезъ ближайшія улицы или городской садъ подалеже отъ набережной.

Бывали и экстраординарныя развлеченія. Мѣстный караимъ-купецъ, пріятель Синани, пригласилъ Чехова на обѣдъ съ шашлыками и съ классическими, какъ онъ говорилъ, чебуреками. Было душно, жарко, масса приглашенныхъ «на Чехова» родственниковъ и пріятелей радушнаго хозяина. Чебурики на бараньемъ жиру, съ бараньей начинкой съ непривычки показались ужасными, разговоръ вѣдѣлся все время около строительныхъ вопросовъ и подрядчиковъ, Чеховъ серьезно слушалъ, почти ничего не ѣлъ и вставлялъ дѣловыя замѣчанія. Какъ только мы вышли, Чеховъ завернулъ въ аптеку и купилъ свою любимую касторку: «Надо будетъ сейчасъ же принять». — «Да вы-жъ ничего не ѣли». — «А запахъ, а разговоры?»

Несмотря на длинные разговоры, совмѣстную жизнь, темы о болѣзняхъ мы все еще не касались, или вѣрнѣе, касались, но одно-

сторонне: онъ не одобрялъ моего кашля, совѣтовалъ серьезно лечиться и т. д.

Когда я послѣ кратковременной отлучки для ликвидаціи своей службы въ Новоторжскомъ земствѣ вернулся въ Ялту, то не засталъ его уже на моей пустой квартирѣ, онъ переѣхалъ на дачу Иловайской, гдѣ и проживать до переѣзда къ себѣ въ Аутку. Но очень часто, спасаясь отъ постытелей, мѣшавшихъ работать, онъ приходилъ ко мнѣ рано утромъ и оставался до обѣда.

Генеральша Иловайская, у которой онъ въ это время жилъ, хорошо къ нему относилась, хотя искренно скорбѣла о томъ, что онъ не признаетъ гомеопатіи и губитъ свое здоровье, не соглашаясь принимать ея цѣлительныхъ пилюль. Она даже очень серьезно принялась за устройство его судьбы, подыскавъ для него очень подходящую пару въ лицѣ молоденькой дочери мѣстнаго протоіерея, часто ее навѣщавшей. Таинственно обращала мое вниманіе на нѣкоторыя, какъ будто благопріятныя въ этомъ смыслѣ признаки и особенно радовалась, когда Чеховъ съ поповной поѣхалъ разъ прокатиться въ Ореанду. И всерьезъ была огорчена, когда всѣ ея тонкіе планы кончились ничѣмъ.

Чеховъ считалъ себя очень практичнымъ человекомъ (и въ извѣстной степени можетъ быть это и было вѣрно), и такъ какъ я въ это время устраивалъ квартиру, то онъ принималъ въ этомъ живѣйшее участіе. Принеслъ въ ужасъ, увидѣвъ на дверяхъ мою визитную карточку.

— «Это же невозможно, серьезные доктора должны имѣть серьезную дощечку; и нельзя

мѣдную. Нужно въ Москвѣ заказать черную чугунную съ литыми буквами». И дѣйствительно, через брата, кажется, выписалъ такую для меня изъ Москвы. Увѣрялъ меня, что безъ него я и за навѣсокъ настоящихъ никакъ не смогу купить. Настаивалъ, что надо мнѣ непременно записаться въ члены Общества Взаимнаго Кредита и расплачиваться чеками, и когда я смѣясь говорилъ ему, что запишусь, когда разбогачью, а пока нечего туда вносить, то онъ серьезно отвѣтилъ, что это наша русская некультурность, что на Западѣ никто денегъ при себѣ не держитъ.

Въ началѣ 1899 года онъ велъ переговоры съ Марксомъ, очень волновался, когда они затягивались, въ то время былъ искренне убѣжденъ, что совершаетъ очень выгодную для себя сдѣлку. Такъ какъ по договору Марксъ обязывался черезъ каждые 5 лѣтъ повышать на 200 руб. плату за печатный листъ, то Чеховъ все высчитывалъ и жалѣлъ бѣднаго Маркса: «Что же съ нимъ будетъ, если вдругъ до 85 лѣтъ проживу?...

Для Чехова составляло величайшее удовольствіе помогать другимъ и онъ постоянно для кого-нибудь что-нибудь устраивалъ. Онъ рекомендовалъ учителей въ гимназій, хлопоталъ передъ архіереемъ о мѣстѣ для священника, и уже тяжело больной искалъ черезъ друзей протекціи для московскаго діакона, которому нужно было сына-студента перевести изъ Юрьева въ Москву. Подыскивалъ для знакомыхъ и пріятелей-москвичей комнаты и квартиры, выписывалъ для нихъ каталоги растений, помогалъ начинающимъ писателямъ завязать отношенія съ ре-

дакціями, хлопоталъ о постановкѣ чужихъ пьесъ, вѣчно устраивалъ какихъ-нибудь больныхъ учительницъ или земскихъ служащихъ. И уѣзжая въ Москву онъ каждый разъ спрашивалъ, надо ли чего привезти, прислать, особенно изъ Москвы, гдѣ по его мнѣнію только и можно было достать все настоящее и хорошее, и откуда онъ самъ выписывалъ для себя и писчую бумагу, и конверты, и колбасу и резиновые сапожки и многое другое, что можно было получить въ любомъ магазинѣ на набережной и полученія чего изъ Москвы онъ иногда дождался недѣлями. Но переубѣдить его въ этомъ было невозможно. Когда насъ нѣсколько человекъ задумало создать санаторію для нуждающихся, то Чеховъ, къ которому мы обратились за содѣйствіемъ, очень горячо отзывался, объявилъ у себя пріемъ пожертвованій и много времени терять на жертвователей въ большемъ числѣ, пользовавшихся случаемъ за небольшой взносъ получить Чеховскій автографъ въ видѣ квитанціи. Расчетливо тратившій на себя, онъ много раздавалъ, тайно помогалъ отдѣльнымъ учащимся.

Когда Чеховъ приступилъ къ постройкѣ дачи, онъ очень подробно и внимательно разрабатывалъ съ архитекторомъ и пріѣхавшей сестрой, Маріей Павловной, планъ дома. Предполагалось три жилища — онъ самъ, мать и въ лѣтнее время сестра, служившая тогда преподавательницей въ одной изъ московскихъ женскихъ гимназій. Требовалось, чтобы комнаты были по возможности изолированы. Оттого домъ и имѣлъ нѣсколько странное расположеніе: прямо отъ входа кабинетъ

А. П—ча, столько разъ описанный, и отдѣленная отъ него неза-
стекленной съ рѣзбой дверью
небольшая очень свѣтлая спаль-
ня. Въ другомъ концѣ корридора
дверь въ комнату матери, и въ
башенкѣ наверху — комната Ма-
рин Павловны. Внизу столовая и
комнаты для гостей. Чеховъ пере-
брался на свой участокъ задолго
до того, какъ былъ готовъ домъ,
и жилъ въ комнатѣ при будущей
кухнѣ, помѣщавшейся въ отдѣль-
номъ небольшомъ флигелѣ. Онъ
очень много занимался будущимъ
садомъ. У него было большое
стремленіе къ своему углу, къ
покупкѣ всякихъ участковъ, дачъ
и т. д. Вскорѣ послѣ Ауткинской
дачи, онъ приобрѣлъ участокъ въ
Кучукъ-Коѣ, около Кикинеза,
верстахъ въ 25 отъ Ялты, совер-
шенно ему не нужный и никчем-
ный, къ которому велъ очень кру-
той спускъ отъ шоссе съ еще бо-
лѣе крутымъ спускомъ отъ него
къ морскому берегу. Купилъ по-
тому, что тамъ чудный видъ, и
все есть: и маленькій домикъ, и
табачный сарай и дроги, и нужно
только будетъ изъ Москвы выпи-
сать лошки, вилки, самоваръ. Поч-
та рядомъ; я увѣренъ, что и ма-
тери понравится». — «Но вѣдь ту-
да добраться нельзя». — «Это ни-
чего, можно будетъ купить осли-
ка; чудесно будетъ, или еще и
лошадь». А черезъ годъ онъ еще
купилъ участокъ, въ Гурзуфѣ, по-
тому что на самомъ берегу, «свой
кусочекъ берега и можно будетъ
рыбу ловить, чудесно!» И на обо-
ихъ участкахъ, я думаю, онъ былъ
счетомъ не болѣе двухъ-трехъ
разъ. Когда послѣ продажи сочи-
неній Марксу получались свобод-
ныя деньги, онъ собирался и въ
Москвѣ домикъ купить, «гдѣ ни-
будь на окраинѣ, но непременно

съ садомъ», и гдѣ нибудь дачу
подъ Москвой, непременно око-
ло рѣчки. И когда я ему говорилъ,
что онъ тоже свой крыжовникъ
любить, то онъ смѣялся и гово-
рилъ: «здѣсь-же крыжовника
нѣтъ, а миндаль, грецкій орѣхъ»
Но его привлекалъ, конечно, не
крыжовникъ, а именно свой уголокъ
садъ. Онъ очень любилъ расте-
нія и цвѣты, и понималъ толкъ
въ нихъ и въ уходѣ за ними. И
чудный садъ, вполне разросшій-
ся уже только послѣ его смерти,
цѣлкомъ дѣло его рукъ. Я ду-
маю, что лучшими часами въ его
жизни были тѣ, когда онъ въ хо-
рошіе дни возился въ саду, окру-
женный не отступающими отъ не-
го собачками, преемниками сла-
ныхъ мелиховскихъ такъ Борнса
Исаевича и лины Марковны и та-
нцующимъ прирученнымъ журав-
лемъ. Занимался любимымъ дѣ-
ломъ и никто не мѣшалъ думатьъ,
какъ на сѣверѣ помогала думатьъ
удочка. Чеховъ любилъ живот-
ныхъ. Когда я увидѣлъ, съ какой
заботливостью онъ ухаживалъ за
раненымъ Каштаномъ, какъ вни-
мательно по всемъ правиламъ хи-
рургическаго искусства перевязы-
валъ его разодранную лапу, и съ
какими при этомъ ласковыми сло-
вами къ нему обращался, я по-
нялъ, почему такой удивительной
вышла у него «Каштанка». И когда
онъ, поведя серьезную войну про-
тивъ мышей, бралъ изъ мышелов-
ки осторожно за хвостъ попада-
ющуюся мышъ и спускалъ ее че-
резъ низкій заборъ на ктадбищен-
скій участокъ, то я увѣренъ, что
мышъ только посмѣивалась и на-
вѣрное въ ближайшую же ночь
перебиралась обратно на дачу къ
своему врагу.

Осенью 1899 года дача была
совсѣмъ готова, и Чеховъ пере-

брался въ домъ съ его уютно устроеннымъ кабинетомъ. Чеховъ былъ необыкновенно аккуратенъ и у него всегда царилъ образцовый порядокъ. Все разъ навсегда на опредѣленномъ мѣстѣ, всѣ годы и въ томъ же порядкѣ на письменномъ столѣ стояли и оригинальные подсвѣчники, и чернильница, и слоны и «Вся Москва» Суворина, и коробочка съ мятными лепешками и всякія другія мелочи. Этотъ застывшій порядокъ въ очень пріятной и уютной комнатѣ съ специально написаннымъ для каминна этюдомъ Левитана и съ другой картиной этого художника въ глубокой нишѣ за письменнымъ столомъ, шелъ даже въ ущербъ уюту, внося нѣкоторый холодокъ.

Я никогда не видѣлъ у него кабинета не убраннымъ, или разбросанныя части туалета въ спальнѣ; и самъ онъ былъ всегда просто, во аккуратно одѣтъ; ни утромъ, ни поздно вечеромъ я никогда не заставалъ его по домашнему, безъ воротничка, галстука. Кто читалъ его письма къ женѣ, въ которыхъ такъ много пишется про мытье головы, перемѣну бѣлья, чистку платья, обуви и т. д. тотъ можетъ получить совершенно ложное представление о Чеховѣ, какъ о какомъ-то замухрышкѣ, приводимомъ въ благопріятный видъ. Но это было бы совершенно невѣрнымъ представлениемъ. Въ этомъ сынѣ мелкаго торговца, выросшемъ въ нуждѣ, было много природнаго аристократизма, не только душевнаго, но и внѣшняго и отъ всей его фигуры вѣяло благородствомъ и изяществомъ.

Время съ весны 1899 года до начала 1901 было, пожалуй, самымъ пріятнымъ и радостнымъ за

весь ялтинскій періодъ его жизни. Переездъ и устройство въ новой, по собственному вкусу выстроенной дачѣ, плодотворная творческая работа, постановка «Чайки» и «Дяди Вани» въ Художественномъ Театрѣ, пріездъ этого театра съ двумя его пьесами въ Ялту специально для него, избраніе его въ академики, которое онъ принялъ съ нескрываемою радостью, между прочимъ и потому, что имъ официально какъ бы признавалось значеніе русскаго писателя, наконецъ, личные радостныя переживания, все это замѣтно поднимало его настроеніе и мирило съ «теплой Сибирью».

Но ни тогда, ни послѣ, этотъ, мнѣвшій себя очень практичнымъ, человекъ, все-таки такъ, какъ ему хотѣлось, устроиться не могъ. Помимо здоровья и всякихъ личныхъ причинъ, мѣшали и нѣкоторыя особенности ялтинской жизни, и исключительная деликатность.

Конецъ 90-хъ и начало 900-хъ годовъ были какъ разъ началомъ расцвѣта и быстрого роста Южнаго берега, какъ всероссійскаго курорта. Ялта становилась мѣстомъ, куда съѣзжались не только для леченія, но и для отдыха, весной, лѣтомъ и осенью не только богатая буржуазія, но и представители русской интеллигенции. Отъ этого много выигрывали Крымъ и крымчаки, но отъ этого очень терпѣлъ Чеховъ. Само собою разумѣется, что Чехова считали долгомъ посѣтить съѣзжавшіеся писатели и вообще люди, имѣвшіе отношеніе къ литературѣ и журналистикѣ. И такъ какъ они отдыхали и дѣлать имъ было нечего, то приходили часто и сидѣли полонгу. Среди нихъ были люди Чехову пріятные и близкіе, съ которыми ему было

хорошо, и которыхъ онъ самъ звалъ, а были и чуждые и несимпатичные, отъ которыхъ отдѣлаться онъ все-таки не могъ.

Разъ поздно ночью раздается телефонный звонокъ. Голосъ Чехова. Я встревожился.

— Что случилось?

— Плохо, батенька, опять касторку только что пришлось принять.

— А что?

— Да вѣдь NN-же опять весь день просидѣлъ.

Дѣло касалось молодого писателя, жившаго вѣ въ Ялту, но часто навѣщавшаго Антона Павловича. Этого же писателя я засталъ, заѣхавъ какъ-то случайно днемъ. Онъ оживленно что-то рассказывалъ, а Чеховъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ мрачнѣе тучи, съ закрытыми глазами, безъ пенснэ.

— Антонъ Павловичъ, а можно спросить, длиннукую вы теперь вещь пишете?

— Листа два.

— Вотъ и мой рассказъ тоже должно быть листа въ два съ половиной будетъ.

Одѣвъ пенснэ, Чеховъ вдругъ обращается ко мнѣ:

— А знаете, докторъ, здѣшняя касторка куда хуже Келлеровской, сравнить нельзя.

Когда черезъ нѣсколько минутъ позвали къ обѣду, онъ любезно предложилъ посетителю спуститься внизъ, пообѣдать съ матерью и передать, что онъ сейчасъ ѣсть не хочетъ, а можетъ быть будетъ позже. Когда гость ушелъ, онъ забѣгалъ по кабинету и полушутя, полусерьезно ска- залъ:

— Вотъ вамъ и усиленное питаніе... И пообѣдать не имѣю возможности.

Кто къ нему только не ходилъ, и по какимъ только дѣламъ! Фельдшеръ долгое время присылалъ ему для прочтенія плоды своей безграмотной музы прѣзжаетъ специально въ Ялту, чтобы посоветоваться, такъ какъ Чеховъ «тоже нашего медицинскаго персонала». Знакомая владѣлица вновь открывающагося курорта является съ просьбой, написать для газетъ объявленіе такое, «чтобы дѣйствительно было замѣчательно». И когда смущенный Антонъ Павловичъ клянется, что онъ никогда этимъ не занимался, она смѣется и говоритъ: «Тоже, ей Богу, вы скажете, самый замѣчательный писатель и вдругъ не можете! Кто же этому повѣритъ?» Приходить учитель Гурзуфской школы, молчаливый человекъ, просидѣвавшій часами покусывая **свою бородку**. Приходили посоветоваться, какъ устроиться полудше, какъ устроить своихъ больныхъ, приходили по выдуманнымъ предлогамъ, такъ какъ въ программу пребывания на Южномъ берегу, кромѣ посѣщеній Учани-Су, Ай-Петри, Масандровскихъ подваловъ и пр. достопримѣчательностей, входилъ и визитъ къ популярному писателю. И мѣшали ему работать, мѣшали думать, мѣшали быть одному. А отказать, защитить себя онъ не былъ въ состояніи, не умѣлъ, и если не всегда былъ съ такими посетителями слишкомъ привѣтливъ, то всегда вѣжливъ и корректенъ.

Въ первое время меня иногда неприятно поражало, когда я слышалъ, какъ онъ въ разговорахъ, особенно съ писателями, высказывать объ ихъ произведеніяхъ сужденія, или проявлялъ къ нимъ отношеніе, не соответствовавшее

тѣмъ мнѣніямъ, которыя приходилось отъ него слышать въ ихъ отсутствіи. Это же можно сказать и про многія мѣста въ его письмахъ. Но, присмотрѣвшись внимательнѣе, я понялъ, что это не фальшь, а результатъ опять таки его необычайной деликатности и боязнъ кого-нибудь задѣть, обидѣть. И въ концѣ концовъ и въ разговорахъ, и въ письмахъ, онъ въ мягкой, крайне осторожной формѣ высказывалъ все-таки свое настоящее мнѣніе. Можетъ быть только не всегда все до конца.

Очень много писалось о равнодушій Чехова къ общественнымъ вопросамъ, о его «холодной крови». По натурѣ своей онъ не былъ борцомъ и самъ это неоднократно повторялъ. Судя по его рассказамъ, когда онъ вступалъ въ жизнь, онъ мало интересовался общественными вопросами, но уже на старшихъ курсахъ его симпатіи и общественные интересы подъ влияніемъ въ значительной степени, я думаю, земско-медицинской среды получаютъ совершенно опредѣленный уклонъ. Его часто упрекали за дружбу съ Суворинымъ. Но Чеховъ всю жизнь помнилъ, что Суворинъ, Григоровичъ, Плещеевъ и Полонскій первые обратили на него вниманіе, когда онъ еще былъ Антошей Чехонте, и первые помогли ему выбраться изъ «Осколковъ» и «Будильника», и онъ сохранилъ къ Суворину благодарность навсегда. Онъ не разъ, и всегда съ большимъ волненіемъ рассказывалъ, какъ въ началѣ его писательской карьеры, встрѣтила его серьезная критика, какъ Скабичевскій писалъ, что ему «суждено умереть пьянымъ подъ заборомъ». И однако при всемъ этомъ онъ,

который когда-то утверждалъ, что будетъ печататься тамъ, «куда занесутъ вѣтеръ и его свобода», уже съ начала 90-хъ годовъ пересталъ печататься въ «Новомъ Времени», а послѣ процессовъ Зола и Дрейфуса, онъ, возмущенный отвратительнымъ поведеніемъ «Новаго Времени» навсегда и рѣзко порвалъ съ редакціей и не могъ хладнокровно говорить о ней. Но лично съ Суворинымъ онъ сохранилъ, хотя и нѣсколько охлажденный, отношенія до конца. Объясняется это въ значительной степени тѣмъ, что въ своей интимной перепискѣ съ Чеховымъ, Суворинъ бывалъ очень часто не Суворинымъ «Новаго Времени». И о студенческихъ безпорядкахъ и даже о процессѣ Дрейфуса, и о многомъ другомъ онъ въ своихъ письмахъ писалъ такъ, что когда Чеховъ передавалъ ихъ содержаніе или изрѣдка читалъ отрывки изъ его писемъ, не вѣрилось, что авторомъ ихъ былъ Суворинъ. Вообще, обнародованіе писемъ Суворина къ Чехову представило бы громадный общественный интересъ; къ сожалѣнію, этого не никогда не случится, потому что Суворинъ очень ловко сумѣлъ получить ихъ обратно вскорѣ послѣ смерти А. П.—ча и, конечно, уничтожилъ.

Когда въ 1902 году были отменены выборы Горькаго въ Академію, Чеховъ по собственной инициативѣ послалъ отказъ отъ этого почетнаго званія. А чтобы отгнать этотъ поступокъ по настоящему, нужно вспомнить, какъ Чеховъ дорожилъ званіемъ академика и съ какимъ отвращеніемъ онъ относился ко всякаго рода публичнымъ выступленіямъ. Во всей біографіи Чехова, во всей его перепискѣ, нельзя найти и на-

мека на какойнибудь анти-общественный или лично некорректный поступокъ.

Извѣстно, съ какой особенной любовью относился Чеховъ къ Толстому. Во время серьезной болезни послѣдняго зимой 1901-2 .. онъ страшно волновался, и требовалъ, чтобы, возвращаясь изъ Гаспры, я хоть на минутку заѣзжалъ къ нему, а если заѣхать нельзя, то хоть по телефону рассказывалъ о состояніи больного. И Толстой платилъ ему такимъ же отношеніемъ, и говорилъ о немъ съ необыкновенно теплымъ участіемъ. А когда раза два Чеховъ пріѣзжалъ со мною въ Гаспру, Толстой все время оживленно съ нимъ бесѣдовалъ и не отпуская. Какъ то на мой вопросъ, что за книжка у него въ рукахъ, онъ отвѣтилъ: «Я живу и наслаждаюсь Чеховымъ; какъ онъ умѣетъ все замѣтить и запомнить; удивительно; а нѣкоторыя вещи глубоко и содержательно; замѣчательно, что онъ никому не подражаетъ и идетъ своей дорогою; а къ-лой законической языкъ». Но и тутъ не забыть прибавить: «А пьесы его никуда не годятся, и «Трехъ сестеръ» я не могъ дочитать до конца».

Этотъ исключительно простой и скромный человекъ никогда и никому не старавшійся импозировать, застѣчиво избѣгавшій всякаго представительства и всякаго чествованія и вообще всякихъ людскихъ сборищъ, вникалъ въ-сѣмъ какое-то певольное, почтительное и бережное отношеніе къ себѣ. Его какъ-то стѣснялись, и это проявлялось иногда въ мелочахъ. Л. Н. Маминъ-Сибирякъ праздновать именины своей дочери Аленушки, и между прочимъ устраивалъ у себя винтъ.

Когда я пріѣхалъ, то засталъ самого хозяина и партнеровъ, К. М. Сталюковича и С. Я. Елпатьевскаго въ самомъ лучшемъ настроеніи. Сѣли играть, и за картами Маминъ сталъ рассказывать уральскіе анекдоты и «случаи изъ жизни». Рассказчикъ онъ былъ красочный, а анекдоты были яркіе, сибирскіе. Его рассказы покрывались общимъ хохотомъ, и даже страстный винтеръ Сталюковичъ отложилъ карты въ сторону. Въ это время открылись двери и вошелъ Чеховъ. Несмотря на его усиленные просьбы продолжать, рассказы прекратились, стало очень степенно. Онъ вскорѣ ушелъ, и когда я потомъ въ блѣдной передачѣ рассказывалъ ему нѣкоторыя изъ Маминскихъ «случаевъ», то онъ долго смѣялся своимъ особымъ, заразительнымъ смѣхомъ и все приговаривалъ: «Послушайте, какъ же вы его не заставили продолжать, надо будетъ попросить».

Когда Чеховъ былъ не въ саду, когда не было посетителей, его всегда можно было застать въ кабинетѣ, и если не за письменнымъ столомъ, то въ глубокомъ креслѣ, сбоку отъ него. Онъ много времени проводилъ за чтеніемъ. Онъ получалъ и просматривалъ громадныя количества газетъ столичныхъ и провинціальныхъ. По прочтеніи часть газетъ онъ разсылалъ разнымъ лицамъ, строго индивидуализируя. Ярославскую газету — очень имъ уважаемому священнику, сѣверному уго-кени; а «Гражданинъ» отправлялся нераскрытымъ будущей ялгиской знаменитости, частному приставу Гроздевичу. Ему приходилось много времени тратить на прочтеніе присылаемыхъ ему рукописей. Кромѣ другихъ тол-

стихъ журналовъ, читаль и «Историческій Вѣстникъ» и «Вѣстникъ иностранной литературы» и «Орианъ» религиозно-философскаго общества «Новый Путь». Часто читаль и классиковъ, слѣдилъ внимательно за вновь появляющеюся беллетристкой.

Но онъ могъ часами просиживать въ креслѣ, безъ газетъ и безъ книгъ, заложивъ ногу на ногу, закинувъ назадъ голову, часто съ закрытыми глазами. И кто знаетъ, какимъ думамъ онъ предавался въ уединенной тишинѣ своего кабинета, никѣмъ и ничѣмъ не отвлекаемый. Я увѣренъ, что не всегда и не только о литературѣ и о житейскомъ.

Быль ли Чеховъ вѣрующимъ?

Онъ самъ, если судить по его письмамъ, считаль себя атеистомъ, и говорилъ о томъ, что вѣру потерялъ, и вообще не вѣритъ въ интеллигентскую вѣру. Еще недавно человѣкъ, хорошо его знавшій, рассказываль мнѣ, какъ разъ, во время рыбной ловли, услышавъ церковный благовѣсть, Чеховъ обратился къ нему со словами: «Вотъ любовь къ этому звону — все, что осталось еще у меня отъ моей вѣры».

Я тотько въ самомъ началѣ слышаль отъ него замѣчанія въ этомъ родѣ. Но я помню и такой случай. Какъ-то пришлось къ разговору, я рассказаль ему о слышанномъ мною въ публичной лекціи одного профессора про четвертое измѣреніе, и спросилъ его: вѣритъ ли онъ въ четвертое измѣреніе. Онъ ничего не отвѣтилъ. Черезъ нѣсколько дней совершенно неожиданно онъ вдругъ поговорилъ: «А знаете, четвертое измѣреніе-то можетъ оказаться и существовать, и какая нибудь загробная жизнь». Онъ носилъ кре-

стикъ на шеѣ. Это, конечно, не всегда должно свидѣтельствовать о вѣрѣ, но еще меньше вѣдь объ отсутствіи ея. Еще въ 1897 году онъ въ своемъ такомъ скудномъ, всего съ нѣсколькими записями и то не за каждый годъ, дневникъ, отмѣтилъ: «Между «естъ Богъ» и «нѣтъ Бога» лежитъ цѣлое громадное поле, которое проходитьъ съ большимъ трудомъ истинный мудрецъ. Русскій человѣкъ знаетъ какую либо одну изъ этихъ двухъ крайностей, середина же между ними не интересуетъ его; и потому обыкновенно онъ не знаетъ ничего, или очень мало». Мнѣ почему-то кажется, что Чеховъ, особенно послѣдніе годы, не переставаль съ трудомъ продвигаться по этому полю, и никто не знаетъ, на какомъ пунктѣ застала его смерть.

Антонъ Павловичъ былъ, какъ извѣстно врачемъ; онъ очень любилъ медицину; студентомъ и первое время по окончаніи добросовѣстно ее изучаль и не собиралься ее бросить. Еще въ серединѣ 80-ныхъ г. г. онъ писалъ, что «медицина — моя законная жена, а литература — любовница». Студентомъ онъ занималься на каникулахъ въ Чикинской земской больницѣ Звенигородскаго уѣзда, потомъ короткое время замѣняль земскаго врача, и въ Москвѣ принималь больныя. Позднимому, собиралься писать и работу спеціалітату. По крайней мѣрѣ послѣ его смерти среди бумагъ оказалось нѣскольکو исписанныхъ листовъ съ замѣтками по исторіи медицины въ Россіи. Я къ сожалѣнію не догадался тогда снять копію. Эти замѣтки до сихъ поръ видѣть не распечатаны. По повѣденію мною справкамъ, рукопись находится теперъ въ центро-

архивъ. Чеховъ, впрочемъ, и на свой Сахалинъ смотрѣлъ, какъ на нѣкотораго рода медицинскую диссертацию. И въ Мелиховѣ онъ еще принималъ у себя обращающихся къ нему крестьянъ и снабжалъ ихъ лекарствами, конечно, бесплатно. Но этимъ тогда уже исчерпывалось его отношеніе къ медицинѣ. За послѣдніе 10 - 15 лѣтъ онъ научной медициной не занимался. Правда, въ Ялту изъ редакціи «Русской Мысли» ему аккуратно пересылался медицинскій еженедѣльникъ «Русскій врачъ», но онъ въ немъ прочитывалъ только хронику и иногда мелкія такъ назыв. «замѣтки изъ практики». И случалось, любилъ поразить: «Вы читали въ послѣднемъ номерѣ о новомъ средствѣ отъ геморроя?» — «Нѣтъ, не читалъ». — «Вотъ, сударь, и растеряете практику. А я вотъ прочиталъ, и ужъ Кондакова вылечилъ. Прекрасное средство». И на письменномъ столѣ слѣва всегда лежалъ молоточекъ и трубочка для выслушиванія и медицинскій календарь Риккера за текущій годъ. Но онъ принималъ всегда дѣятельное участіе въ леченіи своихъ домашнихъ или заболѣвшей прислуги. Любилъ давать совѣты своимъ пріятелямъ и разспрашивать про ихъ болѣзни. Но обычно это оканчивалось указаніемъ, что надо серьезно лечиться и обратиться къ врачу. Была у него слабость, — онъ любилъ писать рецепты. И зная это, я старался не прописывать ему лекарствъ, а обыкновенно онъ стоитъ, бывало, у телефона и подъ мою диктовку передаетъ заказъ въ аптеку, особенно при этомъ какъ то отчеканивая латинскія названія. Заставлялъ провизора повторить

и прибавлялъ въ концѣ: (для автора) д-ръ Чеховъ.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что Чеховъ былъ врачъ, можно въ извѣстной степени объяснить и нѣкоторыя особенности исторіи его болѣзни. Какъ это ни странно, но какъ разъ врачи чаще другихъ владаютъ въ двѣ возможныхъ крайности: или они переоцѣниваютъ свои болѣзненные ощущенія и симптомы, и относятъ къ себѣ все самое неблагоприятное, что знаютъ про свою болѣзнь, или наоборотъ, недооцѣниваютъ того, что есть, опять таки стараясь обосновать свое отношеніе медицинскими соображеніями.

Я уже упоминалъ о томъ, что въ самое первое время нашего знакомства, Чеховъ про болѣзнь свою не говорилъ. Въ концѣ ноября 1898 года рано утромъ мнѣ принесли отъ него записку, въ которой онъ просилъ зайти, захвативъ съ собой «стетоскопчикъ и ларингоскопчикъ», такъ какъ у него кровохарканье, — и я дѣйствительно засталъ его съ порядочнымъ кровотеченіемъ. Ларингоскопъ тутъ былъ не при чемъ, потому что не могло быть никакого сомнѣнія, что это настоящее легочное кровотеченіе. Когда черезъ нѣсколько дней я могъ его детально изслѣдовать, то я былъ пораженъ найденнымъ. Въ этотъ первый нашъ медицинскій разговоръ Чеховъ началъ лѣтосчисленіе съ года поѣздки на Сахалинъ (1890), когда у него въ дорогѣ появилось будто бы первое кровохарканье, но впоследствии выяснилось, что оно было уже въ 1884 году, и потомъ довольно нерѣдко повторялось. И съ студенческихъ лѣтъ онъ много кашлялъ, весной и осенью плохо себя чувствовалъ и нерѣдко лихо-

радьль, но объяснял это инфлюэнцой, никогда не лечился, не давал себя выслушивать, чтобы «чего нибудь тамъ не нашли». Объяснял кровохарканье горломъ, а кашель простой простудой, хотя по его собственнымъ словамъ, временами превращался въ стрекозинныя мощи. И еще въ 1888 году онъ наставительно, какъ врачъ, пишетъ Суворину, что «чахотка, или иное серьезное легочное страданіе, узнается только по совокупности признаковъ, а у меня-то именно этой совокупности-то и нѣтъ». И даже несмотря на кровохарканіа, единственный симптомъ, производившій на него впечатлѣніе, такъ какъ «въ крови, текущей изъ рта есть что-то зловѣщее, какъ въ заревѣ», и даже послѣ смерти брата Николая отъ скоротечной чахотки въ 1889 году, онъ еще заявляетъ, что «ни за что выслушивать себя не позволить», и только хлынувшая весной 1897 года въ необычно большомъ количествѣ кровь и вмѣшательство друзей заставили его лечь въ клинику профессора Остроумова. Съ этого времени, очевидно, процессъ неуклонно прогрессировалъ. И я при первомъ изслѣдованіи уже нашелъ распространенное пораженіе въ обоихъ легкихъ, особенно въ правомъ, съ нѣсколькими кавернами, слѣды плевритовъ, значительную ослабленную, перерожденную сердечную мышцу и отвратительный кишечникъ, мѣшавшій поддерживать должное питаніе. Мои тогдашнія попытки убѣдить Чехова въ необходимости серьезно лечиться, не привели ни къ чему. Онъ упорно заявлялъ, что лечиться, заботиться о здоровьѣ внушаетъ ему отвращеніе. И ничто не должно было напоминать о болѣзни, и никто не

долженъ былъ ее замѣчать. Поэтому и выработалъ онъ такую манеру говорить, не повышая голоса, медленно, монотонно, оставившаяся при чувствѣ раздраженія гортани, чтобы удержатъ кашель, а если уже приходилось кашлять, то мокрота отплевывалась въ маленький, заранѣе приготовленный бумажный фунтикъ, тугъ же гдѣ-нибудь лежавшій за книгами на столѣ и отправляемый потомъ въ каминъ. Только съ дипломатическими подходами, какъ будто невзначай или пользуясь случайными поводами, удавалось его послушать и заставить сдѣлать то или иное. Только съ 1901 года онъ перешелъ на положеніе настоящаго пациента и самъ ужъ часто предлагалъ: «Давайте, послушаемтеся». Но и тутъ заставить его лечь, вообще занятъ леченіемъ, главнымъ образомъ и прежде всего, было нельзя. И не только съ посторонними онъ не любилъ говорить о своей болѣзни, но и отъ своихъ домашнихъ скрывалъ свои немощи, никогда не жаловался, на вопросъ: «какъ себя чувствуешь?» — отвѣчалъ: «сейчасъ хорошо, почти здоровъ, только вотъ кашель» или голова болитъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Къ несчастью процессъ уже находился въ той стадіи, когда на выздоровленіе не могло быть никакой надежды, а можно было только стремиться къ замедленію темпа болѣзни или къ временному улучшенію состоянія больного. Увы, и для этого у Чехова обстоятельства сложились крайне неблагоприятно, прежде всего, въ силу окружавшей его обстановки, и какъ это ни странно, но онъ былъ лишенъ ухода и нѣкоторыхъ необходимыхъ для леченія условий. Чеховъ былъ очень привя-

занъ къ семьѣ, но особенно нѣжно любилъ свою мать, окружалъ ее трогательной заботливостью, и послѣднія слова въ его завѣщаніи сестръ, были: «береги маму». И Евгения Яковлевна платила своему Антошѣ той-же нѣжностью. Но что могла сдѣлать эта милая, всѣми любимая старушка? Развѣ могла она что нибудь провести или на чемъ нибудь настоять? И выходило такъ, что несмотря на всѣ предписанія, пищу давали ему совершенно не подходящую, и компрессъ ставила неумѣлая горничная, и о тысячахъ мелочей, изъ которыхъ состоитъ режимъ такого больного, никому было позаботиться. Сестра его, Марія Павловна, когда выяснилось положеніе, была готова бросить службу и Москву и спѣшъ переѣхать въ Ялту, но послѣ его женитьбы по психологически-понятнымъ причинамъ это отпало. А. П. повѣчался съ Ольгой Леонардовной Книпперъ въ маѣ 1901 года, какъ извѣстно, никого не предупредивъ. Съ этого времени и условія его жизни рѣзко измѣнились.

Какъ врачъ, лечившій Чехова и исключительно съ врачебной точки зрѣнія я долженъ сказать, что измѣненія эти, къ сожалѣнію, не могли способствовать ни леченію, ни улучшенію его здоровья. Одному извѣстному французскому специалисту по туберкулезу принадлежатъ афоризмъ: «чахоточные должны забыть о лаврахъ» и судьба Чехова какъ будто этотъ афоризмъ подтверждаетъ. Его несчастьемъ стало счастье, выпавшее на его долю къ концу жизни и оказавшееся неспоспѣлымъ для него: Художественный театръ и женитьба. Я помню, какъ волновался Чеховъ передъ постановкой

его «Чайки» въ Художественномъ театрѣ, какъ этого волненія онъ не могъ скрыть, и какъ оно выражалось въ подробныхъ разсказахъ о провалѣ этой пьесы въ Александринскомъ театрѣ, и помню, въ какомъ длительномъ радостномъ возбужденіи онъ находился послѣ торжества и одержанной въ Москвѣ побѣды. И онъ, давшій себѣ раньше слово порвать съ театромъ и не писать больше пьесъ, пишетъ пьесы специально для этого театра, и Художественный театръ дѣлается театромъ Чехова, и очень сильно содѣйствуетъ увеличенію популярности Чехова въ послѣдніе годы его жизни. И затѣмъ женитьба. Отъ Чехова, когда онъ бывалъ въ особенно хорошемъ настроеніи, приходилось иногда слышать, какъ, случалось, онъ съ друзьями въ молодости веселился. Но я никогда не слышалъ ни отъ него самого, ни отъ другихъ ни про одну его серьезное увлеченіе. Ольгой Леонардовной онъ увлекся еще до постановки его пьесъ, увидѣвъ ее въ первый разъ на репетиціи «Царя Феодора». Когда я заграницей изъ «Русскихъ Вѣдомостей» узналъ объ ихъ бракѣ, я вспомнилъ почему-то, какъ въ прѣздѣ Ольги Леонардовны въ Чеховскій домъ весной 1900-го года, я однажды увидѣлъ такую группу: она съ Маріей Павловной наверху лѣстницы, а внизу Антонъ Павловичъ. Она въ бѣломъ платьѣ, радостная, сияющая здоровьемъ и счастьемъ, въ началѣ блестящей карьеры, первая актриса Художественнаго театра, въ центрѣ вниманія не одной Москвы, съ громадными возможностями и надеждами въ будущемъ; онъ осунувшійся, худой, пожелтѣвшій, быстро старѣющій, безнадежно

больной. И когда они, повстречавшись, связали свою жизнь, то фатальные последствия не могли заставить себя ждать. Она должна была оставаться в Москвѣ, — жить безъ риска и вредныхъ последствий для здоровья не могъ покидать своей «теплой Сибири». И зная Чехова, не трудно было впередъ сказать, чѣмъ это кончится. Начинаются постоянные переезды изъ Ялты вь Москву и обратно. Возвращаясь почти востѣ каждой поѣздки вь Москву, онъ наплачивается за нее либо плеврономъ, либо кровохарканьемъ, либо длительной лихорадкой. И сознательно обманываетъ себя, принимая слѣдствіе за причину, указываетъ, что вотъ вь Москвѣ было недурно, а какъ вь Ялту вернулся, такъ опять расхворался. Зимы 1901 - 2, 1902 - 3 г. г. онъ проводитъ вь Ялтѣ и почти все время очень плохо себя чувствуетъ, продѣлывая тѣ или другія обостренія. Къ концу этого періода онъ очень измѣнился и вышнел. Цвѣтъ лица приобрѣлъ сѣристый оттѣнокъ, губы стали безкровны, онъ еще больше похудѣлъ и замѣтно постѣдѣлъ. Дѣятельность сердца все ухудшалась, процессъ вь легкихъ все расплзался. Вь соотвѣтствіи съ этимъ стала все рѣзче проявляться одышка, появились симптомы и туберкулезнаго пораженія кишекъ.

У меня сохранилось письмо Ольги Леонардовны отъ 9 января 1902 г., то есть черезъ полгода послѣ свадьбы. Она проситъ написать подробнѣе о здоровьи А. П.—ча и между прочимъ пишетъ: «...Мнѣ очень тяжела эта зима. Только, что занята сильно, это помогаетъ. Такая разлука немислима. Я все таки думала, что здоровье А. П.—ча вь лучшемъ со-

стояніи, чѣмъ оно есть, и думала, что ему возможно будетъ провести хотя бы три зимніе мѣсяца вь Москвѣ. Но теперь я объ этомъ, конечно, не заикаюсь... Ужъ очень грустно и тяжко».

Выхода не было, и когда О. Л. говорила о томъ, что бросить Петру и переѣхать вь Ялту, то А. П. конечно протестовалъ и не допускалъ и рѣчи объ этомъ. И былъ при данныхъ условіяхъ правъ. Весною 1903 года, съ благословенія извѣстнаго московскаго клинициста проф. Остроумова, принимается рѣшеніе зиму проводить вь Москвѣ. Но осенью 1903 года онъ не перестаетъ лихорадить, одинъ плевроитъ слѣдуетъ за другимъ, трудно поддающіяся лечению разстройства кишечника. Онъ уже не скрываетъ своего плохого самочувствія. А Художественный театръ, увлеченный своими задачами, связанный планомъ, торопить скорѣйшей присылкой «Вишневаго Сада». Все чаще я застаю Чехова вь креслѣ, или на диванѣ, уже безъ книжекъ и газетъ вь рукахъ, и онъ впервые не избѣгалъ говорить о своей работѣ, а жаловался, какъ трудно ему дописывать и переписывать пьесу; онъ могъ дѣлать это только урывками.

Вь октябрѣ я вь послѣдній разъ попытался задержать его, сказала ему почти всю правду, умоляла не губить себя, не ѣздить вь Москву, что это безуміе. Онъ объ этомъ написалъ вь Москву, но къ декабрю все-таки уѣхалъ. Дальнѣшее извѣстно. Повторяю, — то, что случилось при сложившихся обстоятельствахъ было неизбѣжно. Но когда мы вь одномъ изъ его писемъ къ женѣ читаемъ: «рѣшай ты, ибо ты человекъ занятой, рабочий, а я боляка вь этомъ

сѣтъ какъ фитюлька» — то мы, читатели Чехова, съ этимъ согласиться не можемъ; и когда онъ въ другомъ письмѣ, указывая на то, что во вновь снятой въ Москвѣ квартирѣ на третьемъ этажѣ лѣстница высокая и лифта нѣту, и что ему трудно будетъ съ его одышкой подниматься, кончаетъ словами: «ну да ничего, какънибудь взберусь», — то я, врачъ, не могу не думать о томъ, какое роковое вліяніе эта лѣстница должна была оказать на его и такъ уже крайне ослабѣвшее сердце.

Въ Москвѣ онъ принимаетъ горячее участіе въ репетиціяхъ «Вишневаго Сада», очень волнуется; при этомъ разгаръ сезона, по обыкновенію масса гостей.

Сознавалъ ли самъ А. П. въ глубинѣ души свое положеніе? О. Л. въ предисловіи къ изданнымъ его письмамъ пишетъ: «Точно судьба рѣшила его побаловать, и дала ему въ послѣдній годъ жизни всё тѣ радости, которыми онъ дорожилъ: и Москву, и зиму, и постановку «Вишневаго Сада», и людей, которыхъ онъ любилъ». Все это и самъ Чеховъ неоднократно говорилъ: какъ онъ любить Москву и все московское, какъ скучаетъ по сѣверной зимѣ, какъ близокъ сталъ ему Художественный театръ, и какъ тянетъ его къ московскимъ людямъ и обстановкѣ.

И однако, повидимому, и въ Москвѣ бывали у него знакомыя мнѣ по Ялтѣ настроенія. Такъ, старый другъ чеховской семьи, прекрасно всѣхъ ихъ знавшая, Т. Л. Щепкина - Куперникъ въ своихъ воспоминаніяхъ описываетъ свое посѣщеніе, относящееся къ осени 1902 года: «Я изумилась происшедшей въ немъ пере- мѣнѣ... Онъ горбился, забко ку-

тался въ какой-то пледъ и то и дѣло подносилъ къ губамъ баночку для слезыванія мокроты. Въ этотъ вечеръ О. Л. участвовала въ какомъ-то концертѣ. За ней пріѣхалъ коррективный Вл. Ив. Немировичъ, во фракѣ, съ безупречнымъ пластрономъ. Ольга Леон. вышла въ нарядномъ туалетѣ, повѣяло тонкими духами. Ласково и нѣжно простилась съ А. П., сказала ему какую-то шутовскую фразу, чтобы онъ ене скучалъ и былъ умникомъ», и исчезла. А. П. взглянулъ ей вслѣдъ, сильно закашлялся и долго кашлялъ, и когда прошелъ приступъ кашля, сказалъ безъ всякой видимой связи съ нашимъ разговоромъ, весело вертѣвшимся около воспоминаній прошлаго, общихъ знакомыхъ и проч.:

«Да, кума, помирать пора...»

17-го января премьеры «Вишневаго Сада» и чествованіе Чехова Москвою, а онъ съ трудомъ стоитъ на сценѣ, мертвенно блѣдный и кашляетъ. Въ серединѣ февраля онъ вернулся въ Ялту въ значительно худшемъ состояніи, но полный еще московскихъ впечатлѣній. Оживленно рассказывалъ про чествованіе, показывалъ подаренные ему подарки и комически жаловался, что кто-то, должно быть, нарочно, чтобы ему досадить, распустилъ слухъ о томъ, что онъ любитель древностей, а онъ ихъ терпѣть не можетъ. Среди подношеній дѣйствительно были модель древняго русскаго горodka, старинный ларчикъ и между прочимъ, чернильница XVIII вѣка. На мое замѣчаніе, что все это очень красиво, и что мнѣ особенно нравится чернильница, онъ отвѣтилъ: «Да что вы, вѣдь теперь песочкомъ не посыпаютъ, есть пропускная бумага и гуси-

ныхъ перьевъ же нѣтъ». Потомъ со своей милой улыбкой прибавилъ: «Ну вотъ, если вамъ очень нравится, я распоряжусь, чтобы въ наказаніе вамъ эту чернильницу послѣ моей смерти и вручили». Какъ онъ ни былъ плохъ, я тогда все-таки не могъ думать, что чернильница уже меньше чѣмъ черезъ полгода дѣйствительно перейдетъ ко мнѣ. Онъ пробылъ въ Ялтѣ до конца апрѣля, временами оживлялся, строилъ планы на будущее, мечталъ засѣсть за работу, говоря, что въ головѣ много уже созрѣло. Собирался, если поправится, съ наступленіемъ тепла поѣхать на войну, изъ-за которой очень волновался, врачомъ, такъ какъ врачъ можетъ больше видѣть. Но чаще бывалъ молчаливъ, сосредоточенно задумчивъ, и онъ, никогда раньше не жаловавшийся на здоровье, говорилъ, что усталъ, что хочется по настоящему отдохнуть, набраться силъ. Онъ чувствовалъ необходимость въ покой, но въ самомъ концѣ апрѣля онъ уѣхалъ въ Москву. Въ дорогѣ простудился, получилъ рѣзкое обостреніе, плевритъ съ необыкновенно для него высокой температурой, и немедленно по пріѣздѣ слегъ, и всталъ только, чтобы поѣхать въ Баденвейлеръ.

Послѣднее письмо я получила отъ него 26 мая слѣдующаго содержания: «Дорогой Исаакъ Наумовичъ! Я какъ пріѣхалъ въ Москву, такъ съ той поры все лежу въ постели, и днемъ и ночью ни разу еще не одѣвался. Порученіе, которое вы дали мнѣ насчетъ Хмѣлева*), я конечно, не испол-

нилъ. Да и если бы я былъ здоровъ, то и тогда едва ли сдѣлалъ бы что нибудь. Хмѣлевъ теперь очень занятъ, видѣть его трудно. Поносозъ у меня уже нѣтъ; теперь стражду запорами. Третьяго дня я заболѣлъ какой-то инфекціей. Послѣ обѣда поднимается температура, и потомъ не сплю всю ночь. Кашель слабѣе. 3-го іюня уѣзжаемъ за границу, въ Шварцвальдъ, въ августѣ буду въ Ялтѣ. Ахъ, какъ одолѣли меня клизмы... Кофе уже даютъ, и я пью его съ удовольствіемъ, а яйца и мягкій хлѣбъ воспрещены. Крѣпко жму руку. А теперь я лежу на диванѣ и по цѣлымъ днямъ отъ нечего дѣлать все браню Осроумова и Н. Большое удовольствіе. Вашъ А. Чеховъ».

А потомъ приписка:

«Сегодня первая ночь, которую я проспалъ хорошо».

Ольга Леон. мнѣ потомъ съ воиуженіемъ рассказывала, какъ въ Берлинѣ въ Савой Отель къ нему пріѣхалъ приглашенный извѣстный клиницистъ проф. Эвальдъ. Внимательно осмотрѣвъ больного, онъ развелъ руками и, ничего не сказавъ, вышелъ. Это, конечно, было жестоко, но развелъ онъ руками навѣрное отъ недоумѣнія, зачѣмъ и куда такого больного везутъ.

И все таки, какъ ни былъ я увѣренъ въ близости роковой развязки, меня какъ молнія поразила полученная мною рано утромъ 3-го іюля на Рижскомъ взморьѣ телеграмма о его смерти.

И. Альтшуллеръ.

*) Н. Н. Хмѣлевъ исполнялъ тогда обязанность председателя Московской Губернской Управы. Дѣло касалось участія Моск. Земст-

ва въ устройствѣ санаторія для больныхъ изъ дѣйствующей арміи.